

Даже если вы не театрал — Сергея Безрукова вы знаете. Слышали. Помимо ярких работ в Театре-студии Олега Табакова он известен озвучиванием резиновых двойников политических деятелей в «Куклах» на НТВ. Странно, но Безруков только что получил Государственную премию. За роль Есенина в спектакле Театра им. Ермоловой «Жизнь моя, или ты приснилась мне?». Лауреату 23 года.

— Коль скоро вы воспитанник Школы-студии МХАТ, то скажите, кто из режиссеров, с которыми случалось работать, не соответствует вашим представлениям об этой традиции?

— Соответствовать совсем не обязательно. Например, спектакль Володи Машкова «Страсти по Бумбарашу» выдержан в таком стиле, что там важен просто бешеный нерв. На сцене действуют обезумевшие люди — и красные, и белые, — градус их эмоционального кипения очень высок, так что тонкая психологическая проработка образов была бы просто неуместна.

— Играя в таком ключе, вы не чувствуете себя отступником?

— Ну почему? Если ректор Школы-студии Олег Павлович Табаков ничего не имеет против подобной «ереси» в своем театре, то мне и во все ни к чему выглядеть святее Папы.

— А можете отличить хорошего режиссера от плохого? Даже не по результату, а по способу взаимодействия с актером?

— В принципе, мне везет на профессионалов. Хотя бывают, конечно, режиссеры, которые не могут ничего интересного придумать и качают идеи из актеров. Идеально, когда и артист многое привносит, и у режиссера есть свои мысли и фантазия.

— Вы считаете, у Житинкина с фантазией все в порядке?

— Думаю, да. У него есть свое видение. — Но, судя по спектаклю «Старый квартал», он чудовищно предсказуем. То есть, если в прологе предлагает вашему герою многозначительно снять шляпу и очки, то уже ждешь: вот сейчас бедолаге придется накладывать усы публично отклеивать, чтобы вернуться в прошлое. И когда появляются персонажи-видения со свечками, то нетрудно догадаться, что, исчезая, каждый свою непременно задует. А уж мигающий свет использовал еще Захаров в «Тиле» двадцать лет назад.

— Может быть, это связано с тем, что этот спектакль Житинкина когда-то должен был появиться в «Современнике», но его запретили. Возможно, Андрей использовал тогдашние приемы, которые сегодня не отличаются достаточной новизной. Хотя, я думаю, в театре что ни предложи — при желании можно сказать: это уже было.

— Почему? Казалось бы, персонажи-клоуны — отнюдь не новость, но «Смертельный номер» Машкова получился настолько небанальным, что был принят на ура. А в «Старом квартале» режиссер даже выстроил вам роль не удосужился. Все партнеры твердят, будто ваш герой ужасно изменился, поселившись в этом клоповнике, а на сцене до конца спектакля — все один и тот же трогательный мальчик. (В отличие, допустим, от Петра в «Последних», где живой милый юноша, которого вы играете, в финале превращается в надломленного безразличного циника).

— «Старый квартал» — это в какой-то степени возвращение в юность. Я старался сыграть человека, который наблюдает жизнь, и в том числе ту грязь, которая его окружает, но она к нему не липнет. Если бы он превратился из юного писателя с его жадной смотреть на все широко открытыми глазами в порочного человека, принявшего аморальные законы ковчега неудачников, где очутился, — это разрушило бы режиссерский замысел. Андрей хотел, чтобы он до конца остался чистым.

— А вы не согласны, что творчество и порок существуют рядом, и порой одно без другого невозможно? Кстати, и Теннесси Уильямс был, кажется, далеко не ангелом. По-моему, смысл его пьесы искажен до противоположного: нельзя остаться чистеньким и при этом состояться в качестве художника.

— Н-ну... в данном случае мы все-таки придерживались той идеи, что грязь, гнусь и подлость не коснулись нашего героя. Его прошлое осталось с ним, он про это напишет, но подлым он не стал. настолько он хорош с самого начала... то есть ну как хорошо? Он все равно смотрит на человеческую комедию со стороны.

И еще эта роль для меня необычна тем, что в ней отсутствует драйв. В других своих работах я привык быть паровозом, то есть с самого начала, когда впрягаюсь, действую очень энергично. Я и по жизни очень энергичный, спортивный, «легко-возгорающийся» и так далее. А здесь все другое — иное самочувствие, иная пластика. Он совершенно не похож, допустим, на героя спектакля «Псих», который изначально представляет собой свободную, любящую, сильную личность, а оказавшись в дурдоме, меняется, постепенно сходит с ума. Ну понятно: и задачи разные, и повторяться нельзя, иначе грош тебе цена как актеру.

— Итак, персонаж «Старого квартала» сохраняет свою личность, герой «Психа» ее утрачивает. А сами вы когда-нибудь ощущали опасность для собственной индивидуальности? Быть может, кто-то на нее посягал?

Фото Андрей ФИЛАТОВА

Сергей БЕЗРУКОВ:

Я ПРИВЫК БЫТЬ

«ПАРОВОЗОМ»

Фото Андрей ФИЛАТОВА

— Не то что посягали, но режиссеры иногда ограничивают профессиональные возможности актера. Например, Валерий Фокин, который ставил у нас «Анекдоты», — сам по себе человек непростой и режиссер жесткий — требовал, чтобы неукоснительно выполняли его волю. А во второй, вампиловской части спектакля, где я получил роль подлеца, который женился по расчету, мне хотелось сыграть характерный образ, наделять его хоть какой-то яркой краской, поскольку Табаков и Машков работали рядом в абсолютно гротесковом ключе. Но пришлось себя удерживать, потому что с идеей Фокина мои желания не стыковались. Дело в том, что его задумка состояла в следующем: вампиловские герои — как бы внуки полуистлевших персонажей первой, достоевской части спектакля, где покойники поднимают бунт против Бога. А у нас порой получается, что это две совершенно не связанные друг с другом истории: одна — эталит клдбищенский триллер, а вторая — смешной водевильчик «Двадцать минут с ангелом». Зрители хохочут, но режиссера это очень настораживает. И мне немного обидно, когда я вроде бы стараясь выполнять его требования и проживать роль по-настоящему, по правде, а рядом партнеры, что называется, от души гуляют по прилавку.

— Неужели Фокин не сумел потребовать от Табакова и Машкова точного выполнения актерской задачи?

— Нет, он требовал, просто... понимаете, они прекрасные актеры, увлекающиеся люди, в них кипит темперамент.

— Вы очень узнаваемо озвучиваете в «Куклах» массу персонажей, от Ельцина и Горбачева до Солженицына и Жириновского. Расскажите историю, когда дар имитации пригодился вам в жизни.

— В жизни?.. Я слышал байку, как знаменитый радиодиктор, читавший обычно правительственные сообщения, однажды на отдыхе окучивал девушку. А она готова была уступить только при условии, что тот прочтет Приказ Верховного Главнокомандующего. И представьте: гуляют по дорожкам пансионата дамы в крепдешине и мужчины в полосатых атласных пижамах — вдруг из окна раздается «государственный голос», который объявляет: «Внимание! Работают все радиостанции Советского Союза! Слушайте Приказ Верховного Главнокомандующего! Девушка Надя!! Снять кофточку!!!»

Но я подобными историями похвастаться не могу, мои девушки столь суровых требований не выдвигают... Помню, меня попросили поднять настроение одной знакомой — я позвонил и голосом Ельцина поздравил с Пасхой. Но вполне платонически.

— Не кажется ли вам, что ваша страсть к лицедейству (а вы основательно заняты в репертуаре), плюс — контроль и влияние ваше-

го отца, да плюс еще — железная, надо полагать, рука Табакова лишают вас юности? Спыхатесь — а будет поздно.

— Нет, не думаю. Ну хорошо, день перед спектаклем я готовлюсь к нему, концентрируюсь, но это не значит, что вечером работаю, как молотобоец на заводе. Даже когда тратишься, глубоко переживаешь серьезные ситуации, по-настоящему живешь на сцене, все равно театр — это праздник.

— Тогда расскажите, как вы развлекаетесь вместе со своими ровесниками. Может быть, поведаете историю какого-нибудь розыгрыша?

— Возможно, моему поколению в этом смысле далеко до старой гвардии: где-то я читал, будто знаменитые мхатовцы Москвин с Тархановым однажды разделись догола и улеглись на пороге квартиры Книппер-Чеховой. И когда она вышла на звонок, заверещали: «Мы подкидывали, мы подкидывали!..» Ну не знаю, мне так слабо.

— А, кстати, ваш духовный отец Олег Павлович Табаков тоже по молодости лет любил шулиганить, причем даже на сцене. Козаков описал в мемуарах, как после его (Козакова) прочувствованного драматического монолога «Лелик», который играл хромого горбуна, проковылял мимо «и сказал так, чтобы слышали только я и мои партнеры: «Такому рассказчику — х... за щеку!». С молодежью мэтр таких шуток не проделывает?

— Что вы, порой смеиш безбоянно. В тех же «Анекдотах», в «Последних» подпускает массу фразочек, которые действительно вызывают гомерический хохот — хоть со сцены беги. А потом у него лицо подвижное, гуттаперчевое, что ли, — иной раз такую физиономию соорудит, что хоть святых выноси. Стараешься отвернуться, чтоб не заржать в голос.

— Интересно, вы фаталист или активно относитесь к жизни и способны вырвать у нее то, чего она не спешит отдавать добровольно?

— Не фаталист — это уж точно. Фаталист — человек вроде как обреченный, такие люди мне неинтересны.

— Вы как-то сказали, что вокруг много злых языков, которые способны вам навредить. Чем? Может, уже успели какой-то важный проект угробить?

— Просто я стараюсь не говорить о своих перспективах, поскольку люди тут же начинают судачить, и часто по закону подлости все срывается. Поэтому о будущем могу рассказать только в самых общих чертах. В театре, кажется, сыграю Глумова в «На всякого мудреца довольно простоты», а в кино надеюсь поработать с Пичулом и с венгерским режиссером Томашем Тотом.

Татьяна РАСКАЗОВА